

СЕМЬ ШАГОВ ПО ЧУЖОМУ ЛЬДУ

ИИ
Вера Лунница

Вера Лунница

Семь шагов по чужому льду

«Автор»

2026

Лунница В.

Семь шагов по чужому льду / В. Лунница — «Автор», 2026

Что делать, если на карте проступил невозможный след — и каждый шаг может стать последним? На леднике Вера Соколова находит тонкую линию в недоступном секторе. Кто прошёл здесь против ветра — или ошибаются данные? Команда отправляется проверить находку. Но опасны не только трещины: амбиции подгоняют, страх заставляет молчать, а догадки легко принять за факты. Чтобы выжить, героям предстоит проверять версии, признавать ошибки и спорить без обвинений. Когда метель стирает путь, им нужно решить, что важнее: находка, правда или люди рядом. «Семь шагов по чужому льду» — полярный триллер о внимательности, ответственности и доверии, которое не отменяет проверки. Для тех, кто любит напряжённые истории и хочет увереннее действовать в неопределённости: проверять факты, вовремя просить помощи и не идти наугад. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Лунница В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Белое пятно на карте	6
Экспедиция, которой не должно было быть	10
Следы против ветра	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вера Лунница

Семь шагов по чужому льду

Семь шагов по чужому льду

Вера Лунница

Белое пятно на карте

На экране была белая пустота — и тонкая серая линия, которой там не должно было быть.

Вера Соколова увеличила снимок. Линия дрогнула, распалась на пиксели и снова собралась: узкая, неровная, почти прямая. Она пересекала ледник с юго-запада на северо-восток и обрывалась у края закрытого сектора.

Вера откинулась на спинку кресла. За стеной картографического модуля станции «Полюс-4» ветер шуршал снегом по металлической обшивке. В вентиляции гудел теплый воздух, пахло пылью, кофе и горячим пластиком. На мониторе оставалось ледяное безмолвие.

Она посмотрела на легенду снимка, затем на часы получения данных. Новая съемка, ясная погода, хорошее разрешение. Ни облачной тени, ни видимого шва между кадрами. Линии не было на официальной карте массива. Не было ее и на цифровой модели рельефа. По документам участок считался непроходимым: трещины, снежные мосты, крутые перепады высот. Там не прокладывали маршрутов и не ставили лагерей.

Вера приблизила изображение еще на один шаг.

— Что нашла? — спросил Миша из-за соседнего стола.

Он не отрывал взгляда от своей панели, но давно научился замечать, когда Вера перестает печатать. Она помолчала, выбирая слова.

— Возможно, ничего. Но посмотри.

Миша подкатил кресло. На снимке появилась шероховатая полоса, темнее окружающего льда. Она напоминала след от гусениц, хотя была слишком узкой и слишком ровной для случайного срыва снега. По краям тянулись слабые тени, похожие на невысокие валы.

— Похоже на дефект съемки, — сказал Миша. — Полоса сенсора, компрессия, засветка.

— Похоже, — согласилась Вера.

Она произнесла это без раздражения. Первое впечатление редко было ложью, но часто оказывалось неполным. Вера доверяла не уверенности, а проверкам. Если линия была артефактом, данные должны были это показать. Если не была, для нее требовалось другое объяснение.

Она открыла карточку снимка и сверила параметры: спутник, угол съемки, спектральный диапазон, координатную систему, дату обработки. Затем сравнила исходные каналы. В красном и ближнем инфракрасном линия оставалась на месте. На одном канале она темнела, на другом светлела, но не исчезала.

— Сенсорная полоса идет параллельно краю кадра, — сказал Миша. — А эта пересекает его под углом.

Вера включила слой с границами съемочных полос. Линия продолжалась через шов между двумя кадрами.

Миша перестал улыбаться.

— Ладно. Это уже хуже.

— Для гипотезы о помехе, — уточнила Вера.

— Именно.

Она открыла снимок трехлетней давности. Потом еще один, сделанный другим аппаратом. На обоих ледник был гладким, почти без деталей. Никакой ясной полосы. Вера нашла соседние кадры, поменяла контраст, проверила, не скрывает ли линиясь под снегом. Старые изображения имели меньшее разрешение, но на месте аномалии проступали несколько темных точек.

Не линия. Пока не линия. Только точки.

Она наложила свежий снимок на модель высот. Полоса не совпадала с границей тени. Она проходила по поверхности ледника, плавно огибая одну из складок, и не повторяла направле-

ние ветровых борозд. Случайный нанос обычно подчинялся рельефу и ветру. Эта линия словно выбирала путь.

Вера сняла очки, потерла переносицу и снова надела их. Усталость могла заставить мозг собирать смысл из пятен. Особенно когда смысл уже ждал где-то рядом.

На экране мигнуло уведомление: запрос на оцифровку архивной карты, прикрепленный к ее утренней заявке. Вера заказала материалы, чтобы сверить старые границы ледника с современной моделью. Архив прислал скан бумажного листа, ведомость привязки и карточку экспедиции.

Она открыла карточку.

Фамилия Соколова стояла в третьей строке. Ниже — имя: Елена Павловна. Вера медленно выдохнула и убрала руку с мыши.

Миша заметил паузу.

— Твоя мама?

— Да.

Он не стал задавать следующий вопрос. В маленьком коллективе знали, что мать Веры пропала во время полярного перехода почти тридцать лет назад. Знали и официальную версию: резкое ухудшение погоды, потеря связи, вероятный провал группы в трещинную систему. Вера не любила, когда эту историю обсуждали так, будто в ней уже не осталось неизвестных.

Она открыла приложенный скан. Бумага была пожелтевшей, края неровные, чернила местами выцвели. Заголовок сообщал: «Схема восточного участка ледника. Полевой экземпляр». Дата — 1997 год. Внизу стояла подпись Елены Соколовой и штамп архива.

Вера не стала сразу разглядывать маршрут. Сначала проверила масштаб, систему координат, условные обозначения. Так было правильнее. Сначала документ, потом чувство.

На старой схеме закрытый сектор занимал почти треть листа. Поверх него шла тонкая карандашная линия. Вдоль линии располагались семь маленьких крестов — одинаковых по размеру, с почти равными промежутками. Ни пояснения, ни подписи. Только короткая отметка у начала маршрута и цифра семь возле последнего креста.

Вера придвинулась к экрану.

— Это что? — спросил Миша.

— Не знаю.

— Ты уверена?

— Нет.

Она увеличила архивный скан, проверила, не были ли кресты дефектами бумаги. На увеличении каждый оказался сделан двумя пересекающимися штрихами. У третьего креста карандашная линия уходила чуть правее, будто человек поправил направление. В нижнем углу сохранилась бледная надпись: «контрольные точки». Почерк был материнский. Вера узнала характерный наклон буквы «т», хотя не хотела этого делать.

Она снова посмотрела на свежий снимок. Семь темных пятен, которые на старых кадрах казались случайными, вытянулись вдоль серой полосы. Они располагались не идеально ровно, но промежутки между ними почти совпадали. На конце полосы различался восьмой след, слабый и неполный.

— Совпадение? — спросил Миша.

Вера не ответила. Совпадение было словом, которым иногда прикрывали отказ от проверки.

Сначала она привела архивную карту к современной системе координат. Старая схема была построена в местной проекции и использовала другую привязку к геодезической сетке. Если просто положить ее поверх спутникового снимка, можно было получить убедительное совпадение там, где его не существовало. Вера выбрала несколько надежных контрольных точек — скальные выступы на краях ледника, зафиксированные и на старой карте, и на совре-

менных снимках. Программа рассчитала преобразование. Она проверила результат вручную, затем повторила расчет другим способом.

На первой попытке кресты разошлись с темными пятнами на десятки метров. На второй совпали лучше. Вера убрала из расчета одну контрольную точку, оказавшуюся ненадежной. Линия архивной карты повернулась на доли градуса и легла поверх спутниковой.

Семь крестов пришлось на семь темных отметок.

Вера отодвинула руки от клавиатуры.

Миша тихо присвистнул.

— Сколько ошибка привязки?

— В среднем двадцать восемь метров. На дальнем конце сорок один.

— Для старой карты это неплохо.

— Для совпадения семи точек — слишком неплохо.

Она включила прозрачность слоев и медленно провела ползунок. Бумажная линия то исчезала, то проступала над серой полосой. На каждом положении кресты оставались рядом со своими отметками. Современный снимок показывал не просто похожий рисунок. Он повторял порядок и интервалы, заданные на карте двадцатисемилетней давности.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы. Не от температуры в модуле: там было душно. Она сняла руку с мыши и положила ладонь на стол, чтобы вернуть себе ощущение твердой поверхности.

— Можно еще проверить точки, — сказала она. — И изображение другого спутника.

— Давай.

Они открыли независимую съемку, полученную через четыре дня после первой. Разрешение было ниже, угол отличался. Вера совместила снимки по скальным ориентирам. Семь отметок на новой съемке были видны хуже, но ни одна не смещалась вместе с изображением. Линия пересекала границы кадров и не шла вдоль полосы сенсора. Ее ширина менялась там, где менялся рельеф. Это не доказывало, что на льду прошли люди. Но вероятность обычной помехи становилась меньше с каждой проверкой.

— А радар? — спросил Миша.

— Архивный радарный проход есть за прошлый сезон. Надо запросить исходные данные.

— Ты уже решила, что это след?

— Я решила, что пока не знаю, что это.

Она увеличила участок у шестой отметки. Там полоса слегка расширялась, будто маршрут обходил опасное место. Восьмая тень за пределами последнего крестика становилась заметнее при боковом освещении. Она могла быть трещиной, неровностью снежного покрова или чем-то, чего Вера не умела назвать. Но именно там старая карандашная линия заканчивалась. Не обрывалась — заканчивалась аккуратно, маленьким крюком, направленным в закрытый сектор.

— Этот участок закрыли после исчезновения группы? — спросил Миша.

Вера вернулась к карточке экспедиции. В документах сектор значился непроходимым еще до 1997 года, однако на полевой схеме матери он был пересечен. Или намечен. Она не могла утверждать, что кто-то действительно прошел по этому маршруту. Карта могла быть предварительным планом. Кресты могли обозначать точки измерений, которые так и не провели. Серая линия могла быть природной особенностью, проявившейся из-за изменения снежного покрова.

Эти объяснения были разумными. Каждое по отдельности.

Но вместе они оставляли слишком много вопросов.

— У тебя есть координаты? — спросил Миша.

Вера выгрузила точки в таблицу. Семь пар чисел, записанных в современной системе. На первой стояла отметка у южной границы ледника. Последняя уходила далеко за линию,

до которой допускались исследовательские группы. Между ними лежал маршрут длиной чуть больше трех километров.

Она перечитала координаты по цифрам, затем внесла их заново. Ошибки не было. Проверила знак долготы. Проверила единицы измерения. Проверила, не перескочила ли программа в локальную проекцию. Карта не сдвинулась.

На экране по-прежнему лежали рядом две версии одного пути: одна нарисованная тонким карандашом рукой матери, другая проступившая на льду в новом спутниковом снимке.

— Вера, — осторожно сказал Миша. — Тебе не нужно сегодня решать, что произошло тогда.

— Я и не решаю.

— Понимаю.

— Я решаю, что отправить руководителю.

Она открыла служебную форму сообщения доктору Антонову, научному руководителю проекта. Несколько секунд держала курсор над полем темы. Можно было написать «Подозрение на артефакт обработки». Это звучало осторожно и не привлекало лишнего внимания. Можно было написать «Необъяснимая структура на леднике». Это звучало громче, чем позволяли данные.

Вера выбрала: «Аномалия в секторе 4Б: результаты первичной проверки».

В сообщение она вложила исходные снимки, архивную карту, параметры преобразования и таблицу координат. Добавила описание проверки разных дат и независимого сенсора. В конце написала: «Данные не подтверждают антропогенное происхождение линии. Однако совпадение семи отметок с точками архивной схемы и устойчивость структуры на независимых съемках требуют проверки на местности. Рекомендую сохранить материалы без дополнительной обработки и обсудить дальнейшие действия».

Она перечитала текст дважды. Вычеркнула слово «невероятное». Убрала «материнская карта», оставив нейтральное «архивная схема экспедиции Е. П. Соколовой». Добавила координаты начала и конца маршрута.

Вера нажала «Отправить».

Письмо исчезло с экрана, а рядом появилась отметка о доставке. Ничего не изменилось: за стеной продолжал шуметь ветер, в вентиляции гудел теплый воздух, на карте белело ледяное поле. Но теперь координаты существовали не только в ее рабочей папке. Их видел другой человек. Следующим шагом должна была стать проверка, которая могла подтвердить аномалию или вернуть ее в разряд ошибочных совпадений.

Вера закрыла архивную карточку матери. Потом снова открыла ее и остановилась на строке с подписью. Исчезновение Елены Соколовой давно уложили в короткую формулу: шторм, потеря связи, ледяные трещины. Эта формула помогала жить, потому что не требовала новых вопросов. Теперь рядом с ней лежала схема, составленная до исчезновения, и семь координат, ведущих в место, куда не ходили.

Вера посмотрела на отметку о доставке письма.

Первое впечатление могло обмануть. Но и привычное объяснение тоже не становилось правдой только оттого, что его повторяли много лет.

Экспедиция, которой не должно было быть

В 06:14 телефон Веры завибрировал на краю стола и медленно пополз к папке с координатами.

Письмо от экспедиционного отдела было коротким: «Запрос на выход в сектор С-9 временно приостановлен. Требуется дополнительное согласование по линии безопасности». Ни подписи, ни срока рассмотрения.

За окном института серело утро. В коридоре гудела вентиляция, и этот привычный звук вдруг показался Вере похожим на предупреждение.

Она набрала профессора Громова.

— Вы уже видели ответ? — спросила она, когда он снял трубку.

— Видел. И прежде, чем ты спросишь: официального разрешения не будет.

— Не будет или пока нет?

На другом конце возникла пауза.

— Вера, сезонное окно закроется через три дня. Самолет уходит сегодня вечером на плановое снабжение. Следующий рейс, если повезет, будет через неделю.

— Координаты не случайные.

— Я не говорю, что случайные. Я говорю, что экспедиция без согласования — не экспедиция, а нарушение режима доступа.

— Если ждать еще неделю, мы будем проверять ледник в шторм.

— Если полетите сейчас, институт не даст вам ни дополнительного топлива, ни резервного борта, ни поисковой группы. Я должен сказать это ясно.

Вера посмотрела на распечатанную схему. Семь отметок тянулись через карту ровной цепочкой, будто кто-то прокладывал маршрут по линейке. Последняя лежала глубоко в закрытом секторе. Там не было ни официальных троп, ни старых лагерей, ни причин, по которым человек мог оказаться так далеко от обследованной зоны.

— Кто поставил запрос на дополнительную проверку?

— Не знаю.

— Вы знаете, что это означает.

— Я знаю только то, что написано в письме. А еще знаю, что утром мне позвонили и попросили не использовать архивные материалы Елены Соколовой в новых заявках.

Вера выпрямилась.

— Кто попросил?

— Имя не назвали.

— И вы советуете мне ждать?

— Я советую тебе понимать цену решения. Если случится беда, официальная версия будет такой: никакой научной экспедиции в С-9 не было.

Он не повысил голос. От этого предупреждение прозвучало тяжелее.

Вера помолчала, потом сказала:

— Я понимаю.

— Нет, — ответил Громов. — Пока только думаешь, что понимаешь.

Связь оборвалась не сразу. Еще секунду в трубке шуршал пустой эфир.

Через сорок минут Вера собрала остальных в комнате для подготовки снаряжения. Илья Карпов, гляциолог, пришел с ноутбуком и двумя термосами. Доктор Нина Белова положила на стол аптечный контейнер и сразу потребовала освободить место. Механик Павел Левин вошел последним, в рабочей куртке, пахнувшей машинным маслом.

— Разрешение задержали, — сказала Вера. — Окно короткое. Самолет уходит сегодня. У нас есть возможность добраться до лагеря К-4 в составе планового технического рейса, но институт не оформит экспедицию и не выделит отдельную поддержку.

Нина сняла перчатки.

— Это значит, что в случае эвакуации мы рассчитываем только на себя?

— На себя, на штатную связь с диспетчером и на погодное окно. Никакого отдельного поискового борта.

— Плохо, — сказала Нина. — Но хотя бы честно.

Павел оперся о шкаф.

— А в полетном плане мы кто?

— Группа технической проверки навигационного оборудования лагеря К-4. Фактический маршрут и координаты будут переданы дежурному диспетчеру. В случае аварии он будет знать, где мы.

— А институт?

— Институт не станет записывать нас как исследовательскую экспедицию.

Илья открыл ноутбук.

— Значит, если вернемся с данными, они скажут, что не поручали их собирать.

— Возможно.

— А если не вернемся?

Вера не ответила сразу. На стене висела карта ледника с выцветшими линиями маршрутов. Ее мать исчезла на этом льду много лет назад. Тогда в отчете тоже нашлось удобное объяснение: шторм, потеря связи, трещины. Объяснение было не обязательно ложным. Оно просто не отвечало на все вопросы.

— Тогда им будет еще проще сказать, что нас там не было, — произнесла она.

Нина посмотрела на нее внимательно, но ничего не спросила.

Илья заговорил, не отрываясь от экрана:

— Я хочу сказать одну вещь до того, как мы начнем собираться. В архиве есть необработанные измерения с профиля у С-9. Их нет в общей базе. Я сохранил копию два года назад, когда закрывали старый проект.

— Почему ты молчал? — спросила Вера.

— Потому что тогда это называли ошибкой измерений. А потом руководитель группы объяснил, что я перепутал нулевую отметку. Если сейчас выяснится, что профиль настоящий, моя ошибка окажется не единственной.

— Ты едешь ради того, чтобы доказать, что был прав?

— Сначала думал, что ради этого, — сказал Илья. — Потом понял, что даже если я был прав, это ничего не объяснит. Но координаты совпадают с тем участком. Мне нужно увидеть лед и проверить привязку.

Нина придвинула аптечный контейнер к краю стола.

— Я еду, потому что на льду человек часто говорит, что с ним все в порядке, когда уже перестает чувствовать пальцы. На прошлой эвакуации я слишком долго верила именно словам. Теперь проверяю не только то, что люди о себе сообщают.

Павел усмехнулся без веселья.

— А я еду потому, что если кто-нибудь будет чинить генератор на ветру, лучше пусть рядом окажется механик, а не человек с хорошим настроением.

— Это все? — спросила Вера.

Он посмотрел на нее.

— Нет. Но остальное к делу не относится.

Вера не стала настаивать. Личные причины редко укладывались в короткий доклад. Иногда они подталкивали человека к правильному решению. Иногда мешали вовремя остановиться.

Она достала из папки чек-лист.

— Тогда начнем с того, что к делу относится. Снаряжение, связь, топливо, погода и условия разворота. Если хотя бы один пункт не выполняется, мы не летим. Если на маршруте появляется любой из факторов, которые перечислим, мы возвращаемся. Не спорим на месте и не меняем правила потому, что уже близко.

Павел взглянул на лист.

— Хорошо звучит в теплой комнате.

— Поэтому и запишем сейчас.

Они проверяли списки по очереди. Две спутниковые трубки — с разными операторами. Радиостанция с запасным аккумулятором. Коротковолновая связь на случай, если спутниковая сеть пропадет. Аптечные наборы, включая средства от переохлаждения и кислородный баллон. Два навигационных приемника, бумажные карты в водонепроницаемых чехлах. Запасные перчатки. Топливо для генератора. Ремонтный комплект для палаток. Аварийный запас еды на трое суток сверх запланированных.

На стенде уже висели данные метеослужбы. Ветер к вечеру должен был усилиться, но до лагеря оставалось узкое окно: видимость приемлемая, облачность низкая, температура стабильная. Пилот, Сидоров, позвонил из аэропорта и сказал, что полет возможен, если погода на площадке К-4 не ухудшится.

— Запас топлива рассчитан на рейс туда и обратно с резервом, — сообщил он по громкой связи. — Но отдельного ожидания над ледником не будет. Если посадка сомнительная, уйду. Если погода закрывает обратный маршрут, остаюсь на земле только при наличии безопасного места. Мне нужны координаты всех точек, не только лагеря.

— Передадим, — сказала Вера.

— И еще. Диспетчеру уйдет фактический маршрут. Я не повезу людей туда, где никто не знает, куда мы направились.

— Это не обсуждается.

— Хорошо. Тогда подготовьте план сеансов связи. Первый — сразу после посадки, второй через четыре часа, дальше по расписанию. Если не выходите на связь, диспетчер действует по инструкции, но отдельный поисковый самолет никто не обещает.

Когда звонок закончился, Вера вписала в чек-лист время контрольных сеансов и номера обоих устройств. Затем перешла к условиям разворота.

— Снижение видимости ниже трех километров. Ветер на площадке выше двенадцати метров в секунду. Подвижка льда или трещина на участке посадки. Потеря спутниковой и коротковолновой связи дольше двадцати минут. Любая травма, при которой человек не может самостоятельно передвигаться. И любое требование члена группы остановиться.

— Последний пункт слишком широкий, — сказал Павел.

— Он должен быть широким.

— То есть один человек произносит «стоп», и мы бросаем все?

— Если человек считает, что условия стали опасными, мы останавливаемся и проверяем. Это не значит, что любое решение принимается в одиночку. Это значит, что никто не обязан сначала доказывать, что ему можно бояться.

Павел отвел взгляд к листу.

— Этот пункт я подписывать не буду.

Илья поднял голову.

— Почему?

— Потому что подпись потом предъявят как согласие на поездку, которой официально не было. Я не командир. Я не уполномочен решать, когда мы разворачиваемся.

— Ты уполномочен сказать, когда оборудование перестало быть безопасным, — сказала Нина.

— Это другое.

— В чем разница? — спросила Вера.

Павел обошел стол и взял лист. Его пальцы задержались на строке с условиями прекращения работы.

— Год назад я подписал технический журнал после того, как начальник сказал, что неисправность не критическая. Я тогда не проверил узел второй раз. Самолет не упал, но один человек провел ночь в пурге с вывихнутым плечом. С тех пор я не подписываю формулировки, которые кто-нибудь может истолковать за меня.

В комнате стало тихо. Он не оправдывался. Просто объяснял, почему бумага для него весила больше, чем казалась.

— Тогда допишем, что именно означает твоя подпись, — сказала Вера. — Она подтверждает согласие с условиями разворота, а не разрешение института на полет. Каждый из нас имеет право остановить работу. Решение о возвращении принимаем всей группой, но до разговора никто не пересекает обозначенную точку риска.

— А если у нас нет времени на разговор?

— Тогда возвращаемся.

Павел прочитал новую формулировку. Потом добавил от руки: «Подпись подтверждает правила безопасности группы и не является разрешением на проведение экспедиции».

— Так подпишу.

Он поставил подпись последним. Чернила немного размазались от влажного пальца, но буквы остались разборчивыми.

Вера внесла еще два условия. Никто не отходит от лагеря один. Никто не скрывает симптомы, даже если это означает потерю нескольких часов работы. Все согласились. Даже Илья, который до этого поглядывал на часы с нетерпением человека, уже мысленно стоящего у ледяного профиля.

Громов появился в дверях без предупреждения.

— Вы все еще собираетесь лететь?

— Да, — ответила Вера.

Он посмотрел на заполненный чек-лист.

— Вы записали условия разворота?

— Записали. И точки связи. Полетный план уйдет диспетчеру с фактическими координатами.

Громов коснулся пальцем края листа, но не взял его.

— Я не могу официально поддержать эту поездку.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты показываешь мне документы?

— Чтобы вы знали, что мы не собираемся притворяться, будто риск исчезнет, если его не записать.

На лице Громова что-то изменилось: напряжение не ушло, но стало яснее.

— Вера, мне звонили из административного отдела. Спрашивали, кто открыл архив Елены Соколовой. Не спрашивали, что вы нашли. Только кто.

— И что вы ответили?

— Что доступ к архиву был штатным. Они попросили больше не упоминать ее фамилию в заявке на С-9.

— Это может быть обычной бюрократией.

— Может.

Он сказал это так, будто сам не верил в собственный довод.

Потом снял очки и устало потер переносицу.

— У вас не будет резервной группы. Если пропустите контрольный сеанс, дежурный вызовет диспетчера, но до спасателей еще нужно добраться. Я хочу, чтобы вы понимали: ответственность за возвращение не снимается с вас только потому, что вы добрались до цели.

— Мы понимаем.

— Нет. Вы понимаете сейчас. На льду это придется помнить заново.

Вера не стала спорить. Важные правила редко становились менее важными оттого, что их повторяли.

Через два часа самолет принял груз. Сидоров осмотрел крепления, проверил давление в шинах и еще раз сверил маршрут с диспетчером. Илья сидел у иллюминатора и пересчитывал координаты на бумажной карте. Нина пристегнула аптечный контейнер к стенке кабины. Павел проверил аварийный радиомаяк и обмотал кабели дополнительной изоляцией.

Вера положила чек-лист в прозрачный карман куртки. Под его пластиком отчетливо виднелись подписи. В обычной комнате они казались формальностью. Теперь каждая означала, что человек заранее согласился не позволить собственной гордости решать за него.

Самолет поднялся, и полоса исчезла под крылом. Внизу растянулись серые каменистые равнины, затем начался ледник. Он был не белым, как на фотографиях, а синим, серым и местами почти черным. Трещины прорезали поверхность длинными теньями. От высоты они выглядели узкими линиями на стекле, но Вера знала: у каждой линии была глубина, способная поглотить целый лагерь.

Когда пилот сообщил, что до К-4 остается двадцать минут, ветер уже толкал самолет сбоку. Сидоров попросил всех затянуть ремни и сверил данные с диспетчером. Посадку он начал не сразу. Сделал круг, оценил поверхность, еще раз прошел над площадкой.

— Посадка возможна, — сказал он. — Но без задержки.

Лыжи самолета коснулись льда жестко. Машину качнуло, и кто-то из грузчиков на борту коротко выругался. Через минуту двигатель стих. Тишина оказалась такой плотной, что Вера услышала собственное дыхание в воротнике.

Они выгрузили палатки, питание, инструменты и топливные канистры. Сидоров не глушил двигатель надолго.

— Я возвращаюсь, — сказал он. — В графике у вас три суток до следующего штатного окна. Погода может сдвинуть его. Связь по расписанию, не пропускайте.

— Поняли, — сказала Вера.

— И не уходите за линию, отмеченную на карте, пока не проверите поверхность.

— Поняли.

Самолет развернулся и пошел на взлет. Сначала он был крупной темной точкой, потом превратился в черту и растворился в белесом небе. Вера провела взглядом за ним, пока не перестала слышать мотор.

Лагерь К-4 состоял из трех низких строений и старой мачты с навигационным маяком. На стене ближайшего контейнера сохранились прошлогодние метки высоты снега. У основания мачты лежал слой намерзшего льда, который Павел начал осторожно скалывать, прежде чем подключить питание.

— Ветер усиливается, — сказала Нина, сверившись с прибором. — Ставим палатки с подветренной стороны. Сначала связь, потом ужин.

Илья уже расстилал карту на ящике.

— Первая координата в пяти километрах. Если сигнал подтвердится, завтра можно проверить направление линии.

— Завтра посмотрим на погоду и поверхность, — сказала Вера. — Координаты подождают.

Он хотел возразить, но ничего не сказал. Только прижал карту ладонью, чтобы ее не вырвало порывом ветра.

Павел подключил навигационный маяк. Прибор загудел, экран коротко мигнул и показал номер лагеря. Он провел проверку, ввел данные контрольной точки и записал время запуска.

— Передатчик работает. Приемник тоже.

— Что он принимает? — спросила Нина.

— Регистрационные импульсы от оборудования в радиусе действия, если оно настроено на наш диапазон. Аварийные маяки, часть навигационных меток, иногда тестовые устройства.

На экране появилась строка с временем и кодом. Павел нахмурился.

— Повтори запуск, — попросила Вера.

Он проверил кабель, разъемы и питание. Затем снова перезапустил приемник.

Несколько секунд экран оставался пустым.

Потом в журнале появилась новая запись: короткий импульс, координаты источника и направление — на северо-восток, за линию закрытого сектора.

Илья подошел ближе.

— Это может быть отражение.

— Может, — сказал Павел. — Проверю журнал.

Он открыл данные. Три одинаковых сигнала разделяли равные промежутки времени. Затем еще один, слабее, пришел с той же стороны.

Вера достала из кармана чек-лист и посмотрела на пункт о проверке приборов. Сомнение было не поводом ни верить сигналу, ни отвергать его. Сначала следовало установить, что именно они слышат.

Нина включила спутниковую трубку, чтобы передать контрольное сообщение диспетчеру. Илья нанес направление на карту. Павел снова проверил питание маяка.

За тонкой стенкой лагеря ветер провел по льду сухой щеткой.

Навигационный приемник записал еще один импульс. На этот раз источник был ближе.

Следы против ветра

Приемник подал короткий сигнал, и на экране Павла вспыхнула новая отметка. Источник сместился всего на несколько метров, но этого хватило, чтобы в палатке сразу стало тесно.

— Не двигаемся, пока не сверим часы и координаты, — сказала Вера.

Павел проверил питание навигационного блока, затем открыл журнал измерений. Нина повторно отправила диспетчеру контрольное сообщение. Илья молча держал карту, прижимая ее к столу ладонью в толстой перчатке.

— Сигнал настоящий, — сказал Павел. — Совпадает на двух приемниках. И направление прежнее.

— На северо-восток, — уточнил Илья. — За границу закрытого сектора.

Вера посмотрела на карту. Красная линия, нанесенная еще до выхода, пересекала участок ледника, куда команда не должна была идти без проверки маршрута и отдельного разрешения. За линией начиналась зона трещин, не отмеченных на старых снимках. Вчера они договорились: никаких решений на ходу, никаких исключений ради любопытства. Сначала данные. Потом оценка. Только затем действие.

Она записала время, координаты и направление сигнала в журнал. Отдельной строкой — «источник не установлен». Нина принесла снаряжение для связи, Павел взял запасной приемник. Илья проверил страховочные веревки и закрепил на рюкзаке шуп.

— Если сигнал от маяка, мы можем его обнаружить, не выходя за безопасный коридор, — сказала Нина.

— А если не от маяка? — спросил Павел.

Никто не ответил сразу.

За стенкой палатки ветер скреб наст. Короткие порывы проходили один за другим, и каждый приносил с равнины сухой снежный шелест. Вера сняла с карты красный карандаш.

— Проверяем только до северной вешки. В связке. Возвращаемся, если видимость падает ниже нашей отметки или порывы усиливаются. До сигнала не идем. Фиксируем, что увидели, не пытаюсь угадать, что это значит.

Илья кивнул. Нина передала диспетчеру маршрут и ограничения. Ответ пришел через семь минут: короткое подтверждение, просьба вести запись и не пересекать опасную границу. На ближайший час погода оставалась в пределах, которые они сами обозначили как допустимые.

Они вышли из лагеря, сцепленные веревкой. Сначала шли по знакомой линии, вдоль флажков, которые Вера установила утром. Лед под ботинками отзывался глухим звоном. На открытом месте звук менялся: наст хрустел резко, будто ломался тонкий фарфор. Под масками скапливался пар, оседал на ткани инеем. Нина при каждом вдохе коротко выдыхала в сторону, чтобы не запотевали очки.

Павел нес приемник перед собой. Сигнал повторился у северной вешки, но теперь был слабее.

— Источник за складкой, — сказал он. — Либо отражение от рельефа.

— Запиши обе версии, — ответила Вера.

Она не хотела, чтобы первая догадка незаметно стала фактом. На карте появились две пометки: «возможный источник» и «возможное отражение». Между ними оставалось место для наблюдений.

От вешки до края сектора было около сорока метров. Там лежал невысокий гребень, за которым поверхность спускалась в широкую чашу. Илья проверил снег шупом по краю. В нескольких местах под настом обнаружилась плотная плита, ниже — рыхлый слой. Еще шаг в неверном направлении мог вывести их на скрытую трещину.

Они не стали пересекать чашу напрямую. Илья прошел первым, зондируя путь. Вера следовала за ним, с камерой на груди. Нина держала связь с лагерем, Павел отслеживал сигнал. Веревка между ними натянулась и чуть провисла, натянулась снова.

На гребне Вера остановила группу.

Сначала она увидела только темные углубления. Они лежали на белом поле, неровные, будто кто-то рассыпал вдоль склона несколько теней. Ветер дул с юго-запада на северо-восток. Именно туда, по прогнозу и по показаниям лагерного флажка, он гнал снег. Склон перед ними был открыт, без надежного укрытия. Любые поверхностные отметины здесь должны были быстро заполниться или сгладиться.

— Трещины, — сказал Илья. — Мелкие, поверхностные. С такого угла выглядят как провалы.

— Трещины не идут ровной цепочкой, — заметила Нина.

— Пока мы не знаем, что они идут ровной цепочкой.

Вера не стала спорить. Она достала бинокль и посмотрела вдоль отметин. Их было больше, чем казалось сначала. Одни почти исчезали в блеске снега, другие сохраняли четкий край. Между ними лежало одинаковое расстояние.

Павел поправил приемник.

— Сигнал ближе. Но направление может прыгать из-за чаши.

— Запиши это, — сказала Вера. — И пока не связывай его со следами.

Они спустились на несколько метров, остановились у плотного участка и еще раз проверили состояние поверхности. Отметины тянулись по пологому склону. Вера насчитала девять, затем сбилась: одна из них была почти затянута снегом и могла оказаться продолжением тени от снежного гребня.

— Я могу пройти рядом и проверить форму, — предложил Илья.

— Рядом, не через них.

Он медленно приблизился к первой отметине. Не ставя ногу ближе, чем требовал щуп, коснулся края инструментом. Снег осыпался тонкой сухой крошкой.

— Углубление есть, — сказал он. — Но это еще ничего не доказывает. Здесь мог пройти снегоперенос. Ветер выдул мягкий слой, а плотные участки остались островками.

— Тогда почему они повторяются через равные промежутки? — спросил Павел.

Илья посмотрел на линию.

— Может быть, под ними старая трещина. Снег над пустотой просел отдельными блоками.

— Это объясняет углубления, — сказала Вера. — Но пока не объясняет расстояние.

Она надела линейку на короткий выносной держатель, чтобы не приближаться к самому следу, и сделала первый снимок сверху. Затем установила шкалу рядом с отпечатком, не касаясь его края. Камера щелкнула. Вера записала номер кадра и координаты. Для следующего снимка она изменила угол, сняв след сбоку. Потом повторила процедуру у двух соседних отметин.

Никаких быстрых выводов. Сначала общий вид, затем детали. Масштаб, направление, координаты. Ветер шевелил капюшоны, трогал шнуры, бросал снег в объектив. Вера закрывала камеру рукавом между кадрами. Когда она опустила ее, ресницы под защитными очками слиплись от инея.

— Давайте сравним расстояния, — сказал Павел.

Они измерили промежутки между углублениями, не переступая через линию. Шестьдесят девять сантиметров. Семьдесят один. Семьдесят. Потом семьдесят два и шестьдесят восемь. На двух участках снег скрыл края, но общая последовательность сохранялась.

— Для просевших блоков слишком ровно, — признался Илья.

Он произнес это без охоты. Вера поняла, почему: его версия была осторожной, но теперь переставала вмещать увиденное. Это не означало, что следы непременно оставил человек. Это означало лишь, что объяснение через просадку требовало все новых допущений.

Илья присел на колено возле одной отметины и осмотрел ее через увеличительное стекло. Внутри отпечатка снег был сжат, а тонкая корка на краю проломлена вниз. Рядом с углублением лежали мелкие зерна, выдутые из его глубины. Он взял пробу с участка в стороне, не из самого следа, и сравнил слои.

— Верхний наст целый вокруг, — сказал он. — Значит, отметина образовалась сверху, а не поднялась из-под снега. Тут нет трещины, которая расползается вниз. Есть давление на поверхность.

— Чье? — спросила Нина.

— Вот это уже объяснение. Пока у нас только форма, глубина и структура снега.

Вера подняла глаза. Ее порадовала эта поправка, хотя от нее не стало спокойнее.

Они присмотрелись к углублениям с нового ракурса. Теперь в каждом читался не провал, а рисунок: широкая передняя часть, более узкая пятка, почти прямой внешний край. На одном отпечатке сохранились три коротких диагональных борозды. На другом — двойная линия у пятки.

— Подошва, — сказал Павел.

— Похоже, — ответил Илья. — Но сначала сравним.

Каждый по очереди показал подошву своих ботинок. У Веры рисунок был мелкий и частый, у Нины — глубокие квадратные выступы, у Павла — широкие волны. Ботинки Ильи оставляли узкие косые полосы, без отдельной пятки. Ни один рисунок не совпадал с тем, что сохранилось в снегу.

Вера сфотографировала каждый отпечаток с линейкой и отметкой направления. На снимках появились короткие стрелки, направленные в сторону юго-запада.

— Против ветра, — сказала Нина.

— Направление ветра мы измерили дважды, — ответил Павел. — В лагере и здесь. Он идет с юго-запада на северо-восток.

— Значит, человек двигался на юго-запад, навстречу ветру.

Илья покачал головой:

— Если мы верно прочитали носок.

Они еще раз сверили форму подошвы. Заостренная часть смотрела на юго-запад. Пятка оставляла вдавленный прямоугольник на противоположной стороне. Ошибиться было трудно.

Вера прошла взглядом по следам, не сходя с безопасной линии. Цепочка уходила к юго-западу, против господствующего ветра. Отпечатки были заметны, но не выметены до гладкого льда. В некоторых лежал мягкий снег, в других края сохраняли резкость. Поверхность вокруг них выглядела почти ровной, словно ветер чистил ее отдельно от самой цепи.

— Могли остаться в защищенном кармане, — сказал Илья. — Чаша меняет поток. С одного края снег наметает, с другого выдувает.

— Тогда это объясняет, почему они не исчезли, — сказала Вера. — Но не почему они направлены против потока.

— Человек мог идти в такую погоду.

— Мог. А обратный путь?

Впереди, насколько позволяла видимость, следов не было. Позади тоже. Цепочка не превращалась в разворот, не соединялась с другой линией. Вера попросила Нину снять панораму, не приближаясь к отпечаткам. На кадрах вокруг проступала чистая поверхность. Ни параллельной дорожки, ни возвращавшейся цепи, ни заметных следов саней.

Павел медленно повернул приемник. Сигнал повторился, резче и ближе. Все четверо посмотрели на прибор.

— Направление совпадает с линией следов, — сказал он.

— Только направление, — напомнила Вера.

Павел опустил руку.

Следы шли дальше, пока не обрывались у плоского участка синеватого льда. Последнее углубление было глубже остальных. Возле его края темнел небольшой обломок, наполовину утопленный в снежной корке.

На мгновение никто не двинулся.

— Ветер мог принести, — сказал Илья. — Или он лежал под снегом и открылся, когда поверхность сдуло.

— Записываем обе версии, — ответила Вера.

Она сделала несколько снимков: общий план, участок с последним отпечатком, затем обломок крупным планом. Рядом положила масштабную линейку, закрепив ее на снегу на некотором расстоянии от находки. Нина внесла координаты в планшет. Павел проверил расстояние до границы безопасного коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.